

**Романы о «вычеркнутых»:
социально-критический дискурс в словенской прозе
2010-х гг.**

Старикова Надежда Николаевна
Доктор филологических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nstarikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1230-2244

Цитирование

Старикова Н. Н. Романы о «вычеркнутых»: социально-критический дискурс в словенской прозе 2010-х гг. // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 330–343. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.05

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

Аннотация

Усиление писательского внимания к последствиям кардинальных политических и социокультурных изменений в жизни Словении — одна из тенденций, наблюдающихся в национальной прозе первых десятилетий XXI в., свидетельствующая о постепенном возвращении в литературу социально-критического дискурса. В это время в поле зрения прозаиков попадает одна из самых злободневных проблем независимой Словении — судьба так называемых вычеркнутых, лиц с югославскими паспортами, на момент провозглашения суверенитета живших и работавших в Словении и в силу политических и бюрократических причин исключенных из реестра ее постоянных жителей. В 1992 г. только что провозглашенное демократическое государство лишило статуса гражданина, по сути подвергло этнической чистке, свыше 25 тысяч таких людей. Правда об этом «неудобном» эпизоде годами замалчивалась или фальсифицировалась. Прозаики М. Маццини, П. Главан и Д. Баук в своих романах «Вычеркнутая» (2014), «Не важно как» (2014) и «Конец. Опять» (2015) стремятся использовать этический потенциал художественного слова для передачи опыта эмпатического переживания. Несмотря на несовпадение жанровых разновидностей (триллер, социальный роман, роман с элементами сюрреализма), все три рассматрива-

емых текста объединяет предлагаемый авторами миметический способ преодоления коллективной травмы и коллективной вины с помощью художественного высказывания. Привлекая внимание читателей к актуальному социальному конфликту, писатели, каждый по-своему, стремятся разрушить существующие в обществе стереотипы его восприятия.

Ключевые слова

Современный словенский роман, социально-критическая проблематика, тема «вычеркнутых», эмпатическое переживание, коллективная вина.

Остаться, распрощавшись, — есть ли горше доля?
Все тот же город. Те же улица и дом.
Стоять перед дверью, запертой ключом
от нового замка, стать поневоле
соседом-призраком среди гомона столицы.
Себя лишаешь, в изгоя превратиться.
Всем ясно — только не ему — за что
мир оградили от него чертой.
Родное всё вокруг — а все твердят: чужой.
Исторгнутый, он странствует душой.
Изгнание в себя — невыносимо.
Скорей всего, он с места обжитого
подхватится и где-нибудь, не здесь,
найдет опору, новый край родимый.
Не так прочна, как кажется, граница —
преодолев ее, расскажет все, как есть.
Все в нем — и немота его и слово¹.

Борис А. Новак «Вычеркнутые», перевод Ж. Перковской

Усиление писательского внимания к последствиям кардинальных политических и социокультурных изменений в жизни общества — одна из тенденций, наблюдающихся в современной словенской литературе. В середине 2010-х гг. в поле зрения авторов попадает тема так

¹ Текст оригинала: URL: <https://forumzademokracijo.net/2020/12/14/boris-a-novak-izbrisani/> (дата обращения: 31.08.2021).

называемых вычеркнутых², на протяжении многих лет в Словении замалчиваемая. Весьма показательны здесь три романа: «Вычеркнутая» (2014) М. Маццини, «Не важно как» (2014) П. Главан и «Конец. Опять» (2015) Д. Баука.

Еще в 1970-е гг. в Словению, самую экономически благополучную и развитую республику СФРЮ, начинают мигрировать выходцы с юга. Многие из них, менее образованные, плохо говорящие словенски, не привыкшие к городской жизни, трудно адаптировались к новым «европейским» условиям и вызывали раздражение у коренного населения. Согласно соцопросам, проведенным в 1990 г., более половины респондентов-словенцев (57,5 %) видели в южанах-мигрантах угрозу для себя³. Для многих из переселенцев выход Словении из состава Югославии в 1991 г. стал утратой «большой родины», потому что, живя и работая в одной из республик СФРЮ, они ощущали себя гражданами мощного многонационального государства. Неудивительно, что большинство из этих людей провозглашения суверенитета не поддерживало. В независимой Словении статус гражданина СФРЮ перестал быть легитимным. Решить этот вопрос можно было, подав заявление на получение словенского гражданства в течение полугода со дня провозглашения независимости. Большинство переселенцев, а это около 172 тыс. человек, так и сделало, однако были и те, кто по разным причинам не успел или не захотел так поступить, поэтому 26 февраля 1992 г., когда регистрация документов на ПМЖ в Республике Словения была прекращена, их данные были удалены из реестра постоянного населения, а они лишены возможности получить статус гражданина Словении и всех соответствующих гражданских прав. Таких «вычеркнутых» оказалось чуть больше 25 тысяч, все они, согласно исследованию Я. Дедиц «Дискриминация в процессе получения словенского гражданства», были «этническими представителями других югославянских народов или родились в смешанных браках словенцев с несловенцами»⁴. Таким образом, эти обладатели югославских паспортов, включая и тех выходцев из других социалисти-

2 Поскольку слово «izbrisani» — «стертые» в русском языке омонимично, автор статьи в своих работах использует выражение «вычеркнутые».

3 *Medvedšek M. Razmišljanja o pojavih nestrpnosti in etnične distance v slovenski družbi // Priseljenci. Ljubljana, 2007. S. 195.*

4 *Dedić J. Diskriminacija v postopkih pridobivanja slovenskega državljanstva // Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja. Ljubljana, 2003. S. 27.*

ческих республик СФРЮ, кто имел в Словении постоянную работу и постоянное зарегистрированное место жительства, в один момент оказались не только вне гражданско-правового поля, но и вне системы социального обеспечения — здравоохранения, страхования, пенсий, потеряли приобретенное право на постоянное проживание и работу, фактически став апатридами, иностранцами-нелегалами. Причины здесь были различными. Кому-то из подавших документы на гражданство отказали, мотивируя решение сотрудничеством соискателей с Югославской народной армией (ЮНА) во время военной агрессии против Словении со стороны Белграда в июне 1991 г. («десятидневная война»). Большинство же «вычеркнутых», не зная о юридических последствиях, за гражданством просто не обратились. Почти десять лет тема «вычеркнутых» оставалась на периферии общественного внимания и вне поля зрения официальных властей и СМИ, а сами «вычеркнутые» оказались в выбравшей демократической путь Республике Словении людьми второго сорта. Только в два подхода, сначала в 1999 г., а затем в 2003 г., Конституционный суд Республики Словении признал аннулирование права неграждан Словении на постоянное место жительства антиконституционным. В 2002 г. «вычеркнутые» создали общественную организацию и стали активно бороться за свои права, их гражданские акции способствовали тому, что проблема получила международный резонанс. Словенские социологи начали изучать правовые, социальные и политические аспекты феномена «вычеркнутых», собирать документальные материалы. В феврале 2004 г. парламентское большинство приняло так называемый «Технический закон о вычеркнутых», возвращающий им права, отнятые в 1992 г., однако два месяца спустя закон был отменен в результате проведенного референдума (95 % его участников высказались против при явке в 31,45 %). Даже после решения Европейского суда по правам человека в Страсбурге от 26 июня 2012 г., признавшего акт удаления физических лиц из реестра постоянного населения нарушением Европейской конвенции по правам человека и обязавшего государство исправить его последствия, в словенском обществе все еще сильно негативное восприятие «вычеркнутых» и отрицание вины по отношению к ним (сами, мол, отказались от гражданства, а теперь этим спекулируют, требуют компенсации, угрожая благополучию законопослушных словенцев).

По сравнению с другими актуальными темами, отражающими последствия политических и социокультурных перемен на постъюгославском пространстве (вооруженные конфликты 1991–2001 гг. на

Балканах, феномены «югостальгии», «титостальгии» и пр.), к рассматриваемому эпизоду истории независимой Словении писатели обратились не по горячим следам, а с некоторой задержкой. В целом это отвечало вектору общественных настроений 2000–2010-х гг., общему дискурсу «организованной невинности»⁵ в целях пропаганды идеи непогрешимости словенской демократии, которой чуждо балканское насилие. М. Юван связывает такое запаздывание с «амбивалентным положением словенского писателя, который исторически является носителем национальной идеи <...> и в то же время традиционно дистанцируется от любой господствующей идеологии»⁶. Выступая с критикой демократической власти, всячески скрывающей, что она встала на путь национализма, писатель рискует выйти за рамки привычной национально-охранительной идеи и быть не понятым читателем, привыкшим за годы суверенитета к замалчиванию или отрицанию острых проблем. К тому же, в отличие от войны на Балканах, проблематика «вычеркнутых» превращает словенского читателя из стороннего наблюдателя в соучастника.

Первым тех, кто в независимой Словении оказались заложниками внутренней политики и административной системы, поддержал поэт Борис А. Новак: в знак протеста против результатов референдума 2004 г. он написал сонет «Вычеркнутые», впоследствии затронул эту тему в третьем томе своего эпоса «Врата безвозвратности» (2015–2017). Проблем «вычеркнутых» касаются в своих романах Б. Градишник — «Рука вода камень» (2007), Г. Войнович — «Чефуры, вон!» (2008) и «Инжир (2016)»; важной для словенского культурного пространства книгой стал переведенный с боснийского языка автобиографический роман Мехмедалии Алича «Никто» (2013), в центре которого драма лишённого гражданства переселенца и трагедия Сребреницы. В этом же году в театре Прешерна в Кране О. Фрлич поставил спектакль «25 671»⁷, раскрывающий всю неприглядную изнанку бытового этнонационализма словенского общества.

Несмотря на несовпадение жанровых разновидностей (триллер, социальный роман, роман с элементами сюрреализма), все три рассматриваемых текста объединяет не только предмет изображения —

5 *Jalušič V.* Organizirana nedolžnost // Izbrisani: organizirana nedolžnost... S. 7.

6 *Juvan M.* Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana // Primerjalna književnost. 2016. Let. 39. Št. 3. S. 27.

7 Цифра, соответствующая точному числу «вычеркнутых».

судьбы «вычеркнутых» и отношение к ним в словенском обществе, но и предлагаемый авторами миметический способ преодоления коллективной травмы и коллективной вины с помощью эстетического дискурса. Привлекая внимание читателей к злободневному социальному конфликту, Маццини, Главан и Баук, каждый по-своему, стремятся разрушить существующие в обществе стереотипы его восприятия — все три авторские трактовки образов «вычеркнутого/ой» построены на эмпатии. Также для всех авторов характерно использование хронотопа мультикультурного пространства, обуславливающего поступки, взгляды, высказывания героев. Еще одна общая черта — присутствие в произведениях персонажей-иностранцев в роли возлюбленных главных героев/героинь (американец Марк у Маццини, американка Мэри у Баука и ирландец Дэвид у Главан), которым отводится роль внешних наблюдателей за общественной жизнью Словении и которые олицетворяют собой наступление глобализации во всех сферах жизни, в том числе в интимной.

Остросюжетный, с элементами триллера и детектива роман Мими Маццини «Вычеркнутая» знакомит с историей матери-одиночки Залы Йованович (с мягким «ч» на конце, что свидетельствует о сербском происхождении фамилии), дочери серба и словенки, которая выросла в Любляне и ощущает себя словенкой. После выхода Словении из состава Югославии и провозглашения государственной независимости она оказывается заложницей непродуманных политических решений и бюрократических катаклизмов и неожиданно для себя становится лицом без гражданства. Ее история начинается 30 апреля 1992 г., в четверг, и заканчивается 15 мая 1992 г., в пятницу, — за эти две недели героине ценой огромных усилий удается восстановить справедливость, вернуть гражданство себе и своему новорожденному сыну, которого ей, как отсутствующей в базе данных МВД Республики Словении, отказались отдать в роддоме. Счастливый финал только оттеняет остроту и болезненность реальной проблемы: роман заканчивается фразой «29 февраля 1992 г. Министерство внутренних дел Республики Словении лишило гражданства 25 671 человека. Гражданский статус большинства из них до настоящего времени не определен»⁸. Зала работает воспитательницей в детском саду, разведена. Ее случайный роман с женатым американским кризисным менеджером Марком приводит к беременности, и, несмотря на то что партнер не хочет детей, женщина принимает решение оставить ребенка. В роддоме выясняет-

⁸ *Mazzini M. Izbrisana. Novo mesto, 2014. S. 257.*

ся, что сведений о З. Йованович «нет в компьютере»⁹, и молодой матери настоятельно советуют отдать сына в приемную семью. Героиня вынуждена обратиться за помощью к отцу новорожденного, который, понимая значение общественного резонанса, устраивает ей встречи с представителями прессы, телевидения, писателями. Это привлекает к женщине внимание органов госбезопасности, за ней начинают следить, прослушивать телефон. Марк провоцирует спецслужбы — сообщает Зале по телефону, что якобы устроил ей интервью с CNN, и теперь всё случившееся получит международную огласку. Власти сдаются — героине дают гражданство, так что в интервью теперь нет необходимости. В ходе своих мытарств она знакомится со многими другими пострадавшими и убеждается, что все они абсолютно бесправны, их можно убить, обокрасть, избить совершенно безнаказанно. Зала сталкивается с бездушием и формализмом чиновников, бесцеремонностью журналистов, конформизмом и демагогией общественных деятелей. Приведенный ниже диалог с инспектором иммиграционной службы высвечивает всю абсурдность сложившейся ситуации:

<...> он взял анкету, которую Зала заполнила, и долго ее изучал.

— Зала Йованович, место рождения — Крагуевац, Сербия.

— Югославия, — поправила она.

— Югославии больше не существует. Она распалась. Словения уже целый год имеет статус независимого государства. <...>

— Отец там работал, я там только родилась. Мы уехали, когда мне было три месяца, — произнесла она.

Инспектор кивнул.

— Когда вы пересекли границу? <...>

— Что вы имеете в виду? В последний раз? Зимой. Я ездила в Триест за джинсами для беременных, а до этого в августе была на море, на хорватском побережье.

— Не морочьте мне голову! Это серьезное дело, знаете ли. С властями не шутят. Пожалуйста, отвечайте ясно, без обиняков. Я ничего не выдумываю, я задаю вопросы, следуя процедуре, вы должны на них отвечать, и тогда мы подпишем бумаги. Когда вы пересекли границу? <...>

— О чем вы говорите? Вы же знаете, что я была в роддоме!

Он взял другой листок и начал его разглядывать.

⁹ Ibid. S. 27.

— Да, в роддоме. Вы ведь рожали в Словении, не так ли? Наше здравоохранение намного лучше вашего в Крагуеваце, неудивительно, что вы пересекли границу <...>. Вы в нашей стране нелегально, проходите стандартную процедуру, я призываю вас к сотрудничеству.

— Вы меня понимаете? — она стукнула кулаком по столу так, что из набухших грудей брызнуло молоко. Да, я родилась не в Словении! Это так! Но моя мать словенка! Я здесь училась в педучилище, у меня здесь работа!

— У вас нет гражданства и постоянного места жительства¹⁰.

Маццини фокусирует внимание на борьбе героини с бюрократической государственной машиной, его претензии адресованы политикам и чиновникам, но не гражданскому обществу, с молчаливого согласия которого совершаются описываемые беззакония. Такая односторонность подхода стала причиной упреков со стороны некоторых критиков, отметивших, что писателю «не удалось полностью реализовать потенциал социальной проблематики»¹¹, что его «социально-критический месседж недостаточно эффективен»¹².

Этого нельзя сказать о книге Полоны Главан «Не важно как», в которой акцент сделан как раз на проблеме соучастия и СОВины простых граждан Словении в драме «вычеркнутых». Роман построен на двух параллельно развивающихся сюжетных линиях, юные героини которых при трагических обстоятельствах встречаются в финале. Каждая из них ведет свой рассказ от первого лица, главы чередуются. Девушки близки по возрасту, но принадлежат к разным социальным группам, о чем свидетельствует тип социолекта. Так, в речи семнадцатилетней школьницы Лили соединяются подростковый сленг и речевые обороты городской периферии, отмеченные маркерами ксенофобской нетерпимости. Другая героиня, студентка английской кафедры Люблянского университета Аля (в чем-то alter ego самой Главан), говорит «культурно», толерантно, подчеркнуто вежливо. У Лили есть взрослый парень, Марс, она беременеет от него и хочет сделать аборт, но тому удается ее отговорить. Действие романа длится около девяти месяцев — срок вынашивания ребенка. За оскорбление иммигранта Марса увольняют

¹⁰ Mazzini M. Izbrisana ... S. 56–57.

¹¹ Pišek M. Miha Mazzini: Izbrisana // Sodobnost. 2014. Let. 88. Št. 10. S. 1432.

¹² Virk T Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene sprejembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana, 2021. S. 158.

с работы, он в бешенстве: «Эти пришлые с юга нашей бывшей страны могут позволить себе все, а простой словенский рабочий получает пинок под зад за одно-единственное замечание»¹³. После увольнения героя, не скрывающего своих симпатий к скинхедам, окончательно захлестывают ксенофобские настроения, он присоединяется к фашиствующим группировкам. Лили полностью на его стороне.

Устав от виртуального романа по Skype с Дэвидом, в которого влюбилась, путешествуя по Ирландии, Аля пытается отвлечься. Она случайно знакомится с тринадцатилетним боснийским мальчиком-иммигрантом Сенадом, семья которого живет в крайне стесненных условиях, и начинает помогать ему с учебой. Помощь способному ребенку постепенно перерастает в социальное кураторство, в итоге героиня присоединяется к левым активистам люблянского сквота Rog, выступающим за права национальных меньшинств и «вычеркнутых». На одной из акций, в которой принимает участие Аля, на их мирное шествие нападают радикально настроенные правые националисты, Марс и Лили в их рядах. Так не знакомые друг с другом девушки оказываются лицом к лицу по разные стороны баррикады. Во время потасовки Марс смертельно ранит отца Сенада, тоже находившегося среди демонстрантов. Для обеих героинь гибель иммигранта-инвалида становится потрясением: Лили порывает с Марсом, после родов не хочет видеть свою новорожденную девочку, потому что ее отец — убийца; Аля испытывает чувство вины за то, что позвала Нихада, отца своего подопечного, принять участие в акции и тем самым невольно подтолкнула его к смерти.

Любовные истории обеих героинь, несмотря на все различие контекста, деталей, партнеров, не лишены мелодраматичности, изображение их жизненных установок и мотиваций — «черно-белой оптики»¹⁴. Главан напрямую связывает самосознание и тип поведения Лили и Али с их социальным происхождением, подчеркивая, что националистическим настроениям больше подвержены социально уязвимые слои словенского общества.

Дино Баук в романе «Конец. Опять» встраивает отдельно взятую трагическую судьбу в историю выживания поколения 1990-х, показывая фатальные для жизни людей последствия государственных политических и бюрократических решений. Главные герои романа — трое подростков, которых на излете социалистической эпохи связа-

13 *Glavan P.* Kakorkoli. Ljubljana, 2014. S. 347.

14 *Vrščaj T.* Kritičarka na drevesu. Izbrane kritike slovenskih romanov. Ljubljana, 2020. S. 165.

ла дружба и рок-музыка, а потом развели время и обстоятельства. Первый — Денис, романтик и книголюб, в 1992 г. оказывается лицом без гражданства: триггером становится несловенское происхождение его отца, усугубленное званием офицера ЮНА: вид на жительство парня, родившегося и выросшего в Любляне, аннулируют, его высылают в Хорватию, там мобилизуют и командируют в Боснию, где он и погибает. Второй, Горан, с юных лет отличавшийся особой оборотистостью, в независимой Словении становится беспринципным и жадным бизнесменом; третий, Петер, когда-то перспективный студент-гуманитарий, превращается в озлобленного чиновника, бюрократа от культуры. Четвертый член этой компании — американка Мэри, девушка Дениса, в свое время оказавшаяся в Европе в качестве мормонской миссионерки. Повествование ведется от третьего лица и строится на реминисценциях: Питер, Горан и Мэри, которым уже за сорок, вспоминают времена, когда им было по шестнадцать, из оживающих в их памяти картин юности складывается мозаика короткой жизни Дениса. Все трое подсознательно испытывают чувство вины перед ним: Горан и Петер — потому что они были «чистокровными» словенцами и маховик националистических репрессий их не коснулся, Мэри — потому что расставание с возлюбленным произошло внезапно, они даже не простились (за нарушение строгих правил мормонского поведения она была экстренно отправлена в Австрию). В эти воспоминания вплетается рассказ повествователя о пребывании Дениса в Боснии, отдельные его эпизоды носят вполне сюрреалистический характер. Так, в каком-то боснийском городе герой набредает на разрушенное авиаударом здание библиотеки, по которому бродят призраки библиотекарей. Один из них подводит молодого человека к полкам с книгами, написанными хорватскими, сербскими, боснийскими авторами — Александром Хемоном, Давидом Албахари, Игорем Штиксом, Борисом Дежуловичем, Миленко Ерговичем — уже после окончательного распада Югославии, т. е. после смерти самого Дениса. Вообще для тональности романа характерна нота ностальгии по югославскому культурному пространству, «югосфере»¹⁵, с ее мультикультурностью и стремлением к диалогу, причем Баук касается не только литературы, но и музыкальной культуры СФРЮ, включает в текст слова песен популярных югославских рок- и панк-групп, на которых росли его герои.

15 *Djokić D. The Past as Future: Post-Yugoslav Space in the Early Twenty-First Century // After Yugoslavia. Stanford, 2013. S. 74.*

В кульминационной сцене романа в воображении автора все четверо друзей снова собираются вместе: трое сорокалетних и навсегда оставшийся молодым Денис. Последней к этому нарративу памяти присоединяется Мэри:

Когда она шагнула в пустое пространство, все трое уже были там: Денис, Питер и Горан. Дениса она узнала сразу, он ничуть не изменился, может быть, выглядел на год старше и лицо чуть серьезнее... Только военная форма смотрелась нелепо. Непохоже, что он надел ее добровольно. Горан постарел, но не настолько, чтобы она его не узнала. Ну а относительно Петера включилась логика — только он мог быть третьим в этой компании. Они стояли так же, как на той репетиции группы, когда она в последний раз слышала их игру... Тишина в этом пустом пространстве казалась невообразимо громкой. Пока Мэри шла к ним, в ее голове звучала мелодия песни, которую они тогда играли. Еще один шаг, и они оглянулись, словно тоже услышав эту мелодию. Она была совсем близко от того, чего так и не произошло¹⁶.

Сюрреалистические зоны произведения — литературный троп, с помощью которого Баук стремится образно воплотить реальность фантазий, галлюцинаций, ностальгии, выражающих стремление героев к чему-то иному. Это их способ убежать от себя, от чувства вины и беспомощности перед непоправимостью и абсурдом и того, что случилось, и того, чего не произошло. Ведь это непроизошедшее могло произойти, если бы герои в определенный момент действовали иначе, принимали другие решения.

Лишение гражданства тысяч ни в чем не повинных людей, по сути этническая чистка с применением административного ресурса, — безусловно, один из самых болезненных и резонансных эпизодов в недавнем прошлом демократической Словении. Авторы рассмотренных романов реализуют социально-критический дискурс и этический потенциал литературы для привлечения внимания читательской аудитории к одной из социальных аномалий, правда о которой годами их собратьями по перу замалчивалась, потому что «не шла на пользу новому обществу»¹⁷. С помощью вербализации эмпатического переживания Маццини, Главан и Баук пытаются разрушить существующие в словенском обществе стереотипы вос-

¹⁶ *Bauk D. Konec. Znova.* Ljubljana, 2015. S. 178.

¹⁷ *Vrščaj T. Kritičarka na drevesu...* S. 9.

приятия проблемы в целом и образа «вычеркнутого» в частности. Первый шаг к осмыслению травматического опыта сделан, но до окончательного преодоления коллективной травмы и искупления коллективной вины еще далеко. Литература независимой Словении, как справедливо замечает автор монографии «Под сенью Прешерна. Словенская литература и общественные трансформации: национальное государство, демократия и противоречия переходного времени» (2021) Т. Вирк, еще «недостаточно эффективно выявляет латентные общественные патологии и не стремится выступать в роли обличителя тех фактов социальной несправедливости, о которых общество предпочитает молчать»¹⁸.

Источники и литература

Bauk D. Konec. Znova. Ljubljana: Beletrina, 2015. 184 s.

Dedić J. Diskriminacija v postopkih pridobivanja slovenskega državljanstva // Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja / ur. J. Dedić. Ljubljana: Mirovni inštitut, 2003. S. 23–84.

Djokić D. The Past as Future: Post-Yugoslav Space in the Early Twenty-First Century // After Yugoslavia / ed. by R. Gorup. Stanford: Stanford UP, 2013. P. 55–74.

Glavan P. Kakorkoli. Ljubljana: Beletrina, 2014. 471 s.

Jalušič V. Organizirana nedolžnost // Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja / ur. J. Dedić. Ljubljana: Mirovni inštitut, 2003. S. 7–22.

Juvan M. Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplarnostjo romana // Primerjalna književnost. 2016. Let. 39. Št. 3. S. 23–42.

Mazzini M. Izbrisana. Novo mesto: Goga, 2014. 270 s.

Medvedšek M. Razmišljanja o pojavih nestrpnosti in etnične distance v slovenski družbi // Priseljenci / ur. M. Komac. Ljubljana: Inštitut za narodnostna vprašanja, 2007. S. 187–217.

Pišek M. Miha Mazzini: Izbrisana // Sodobnost. 2014. Let. 88. Št. 10. S. 1428–1432.

Virk T. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2021. 222 s.

Vrščaj T. Kritičarka na drevesu. Izbrane kritike slovenskih romanov. Ljubljana: LUD Literatura, 2020. 173 s.

¹⁸ *Virk T.* Pod Prešernovo glavo... S. 161.

References

- Bauk, D. *Konec. Znova*. Ljubljana: Beletrina, 2015, 184 p.
- Dedić, J. “Diskriminacija v postopkih pridobivanja slovenskega državljanstva.” *Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja*, ed. by J. Dedić, Ljubljana: International Institute, 2003, pp. 23–84.
- Djokić, D. “The Past as Future: Post-Yugoslav Space in the Early Twenty-First Century”. *After Yugoslavia*, ed. by R. Gorup, Stanford: Stanford UP, 2013, pp. 55–74.
- Glavan, P. *Kakorkoli*. Ljubljana: Beletrina, 2014, 471 p.
- Jalušič, V. “Organizirana nedolžnost.” *Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja*, ed. by J. Dedić, Ljubljana: International Institute, 2003, pp. 7–22.
- Juvan, M. “Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana.” *Primerjalna književnost*, vol. 39, no. 3, 2016, pp. 23–42.
- Mazzini, M. *Izbrisana*. Novo mesto: Goga, 2014, 270 p.
- Medvedšek, M. “Razmišljanja o pojavih nestrpnosti in etnične distance v slovenski družbi.” *Priseljenci*, ed. by M. Komac, Ljubljana: Institute for Ethnic Studies, 2007, pp. 187–217.
- Pišek, M. “Miha Mazzini: Izbrisana.” *Sodobnost*, vol. 88, no. 10, 2014, pp. 1428–1432.
- Virk, T. *Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja*. Ljubljana: Science Publ. of the Philological Faculty, 2021, 222 p.
- Vrščaj, T. *Kritičarka na drevesu. Izbrane kritike slovenskih romanov*. Ljubljana: Literatura, 2020, 173 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.05

Starikova N. N.

Novels about the “erased”: The social-critical discourse in Slovenian prose of the 2010s

Nadezhda N. Starikova
 Doctor of Letters, head of the Department
 Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
 119991, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
 E-mail: nstarikova@mail.ru
 ORCID: 0000-0003-1230-2244

Citation

Starikova N. N. Novels about the “erased”: The social-critical discourse in Slovenian prose of the 2010s. // *Slavic Almanac*. 2021. No. 3–4. P. 330–343 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.05

Received: 28.08.2021.

Abstract

The increasing attention that writers pay to the consequences of cardinal political and sociocultural changes in the life of Slovenia is one of the trends observed in the national prose in the first decades of the 21st century, indicating that the socio-critical discourse has been gradually returning to literature. At this time one of the most pressing problems of independent Slovenia comes to the attention of novelists' field of vision — that is, the fate of the so-called “erased”, persons with Yugoslav passports, who at the time of the proclamation of sovereignty were living and working in Slovenia and for political and bureaucratic reasons were excluded from the register of its permanent residents. In 1992, the newly proclaimed democratic state deprived them of their citizenship status, that resulted in ethnic cleansing of over 25 thousand of such people. The truth about this “inconvenient” episode has been hushed up or falsified for years. The writers M. Mazzini, P. Glavan and D. Bauck in their novels “Izbrisana” (2014), “Kakorkoli” (2014) and “Konec. Znova” (2015) seek to use the ethical potential of the artistic word to convey the practice of empathic experience. Despite the difference in genre varieties (thriller, social novel, novel with elements of surrealism), all three texts are united by the mimetic method proposed by the authors to overcome the collective trauma and collective guilt through artistic expression. Drawing the readers' attention to the actual social conflict, writers, each in their own way, seek to destroy the stereotypes of its perception existing in the society.

Keywords

Contemporary Slovenian novel, socio-critical discourse, the theme of the “erased”, empathic experience, collective guilt.